

Главное здание судебной власти обязано иметь сильное символическое решение и художественную выразительность

18.07.2014

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с архитектором Максимом Борисовичем Атаянцем, победителем конкурса архитектурных концепций судебного квартала в Санкт-Петербурге.

Какова ваша роль будет в строительстве судебного квартала в Санкт-Петербурге?

Я являюсь автором архитектурной и градостроительной концепции всего комплекса зданий Верховного Суда, Судебного департамента, медицинского центра, небольшой служебной гостиницы, Дворца танца, который уже очень давно, еще на стадии «Набережной Европы», был обещан Борису Яковлевичу Эйфману в этом месте. Генпроектировщик будет выбран на основе тендера. Мы будем делать все, что касается архитектуры, интерьера и благоустройства, генерального плана. А вот конструкция, инженерные разделы, гражданская оборона, специальные разные разделы — это будут делать соответствующие специалисты, которых заказчик в рамках тендера выберет.

Концепция квартала, в котором должны располагаться суд, театр и медицинский комплекс (а первоначально речь шла и о жилье), многих комментаторов толкает на довольно острые рассуждения о роли судебной власти в нашей жизни. А вас такой постмодернизм в пожеланиях заказчика не смущал?

Меня сильно удивляет беспокойство по этому поводу. У нас есть странное представление, что это какой-то изолированный остров, вокруг него забор, и почему внутри этого забора суд и театр? На самом деле это просто территория, возвращаемая обратно городу. Это одно из наших главных достижений, что там не будет никаких заборов. Это будет нормальный фрагмент города, где люди смогут гулять. Мы же в Петербурге живем, у нас есть Александринский театр, и есть улица Зодчего Росси, которая ведет к площади Ломоносова. Это все были здания министерств. И они образуют единый ансамбль с театром. Это же

естественно для городской среды, когда здания разного назначения стоят бок о бок. Так и должно быть.

Каковы сроки реализации проекта?

Заказчиком здесь выступает государство, а именно Северо-Западная дирекция по строительству управления делами Президента РФ.

Такого рода крупные государственные проекты разворачиваются постепенно, потому что нужно принять соответствующий закон, оформить расходы в бюджете, провести тендеры и т. д. Думаю, что никаких сдерживающих факторов нет. Мы-то ведь уже работаем, а на площадку, наверное, скоро выйдут, но, конечно, это лучше у заказчика спрашивать.

Многие воспринимают идеи объединения судов и переезда в Петербург как единое целое. Хотя на самом деле это не совсем так: о переезде было объявлено в апреле 2013 г., а об объединении — в июне 2013 г. Конкурс на судебный квартал прошел осенью 2013 г., на тот момент еще не было понятно, как суды будут объединяться. Что вы проектировали: сначала корпуса для двух судов, а потом пришлось переделывать, или же сразу заказчик говорил об одном (едином) Верховном Суде?

На ранней стадии во время первого тура конкурса был небольшой элемент неопределенности. А затем предлагалось проектировать комплекс как единое целое. Нам примерно тогда же, когда и вам стало понятно, что это будет одна организация с единым управлением и т. д. В процессе работы, я бы так выразился.

На работе вашей это отразилось?

Конечно. Надо же было посмотреть, есть или нет дублирование функций, какие кабинеты необходимы и т. д. С представителями Верховного Суда мы довольно плотно общаемся, первый заместитель председателя Петр Павлович Серков с нами встречался два или три раза и очень помог в понимании того, что важно и нужно судьям для работы.

А с представителями арбитражной системы вы как-то общались? Или они изначально в стороне?

Конечно, общались. Во-первых, представители Высшего Арбитражного Суда в конкурсное жюри входят. На последнем заседании жюри присутствовал Антон Александрович Иванов. Это было 22 марта, к тому времени я конкурс уже выиграл, поэтому уже были пожелания, что и как поменять. Жюри в полном составе собиралось, чтобы наш вариант изменений рассмотреть.

То есть судьи высказывают пожелания?

А как же? Как можно без этого? Им там работать. Суд — это такое место, где всегда приходится ждать. Поэтому нужно, чтобы и посетителям было удобно, и судьям. Например, обеспечить, чтобы в зал судебного заседания из кабинета судья мог пройти так, чтобы ни с кем не столкнуться, чтобы никто его не отвлек, не помешал ему сосредоточиться на деле. Действительно, если человек в мантии идет вершить суд и вдруг его кто-то спрашивает, как куда-то пройти, — это же абсурд!

При разработке концепции вы изучали какие-то примеры зданий зарубежных судов или главными были место и творческие принципы классицизма?

Если переходить именно к смысловой составляющей проекта и ее выражению в архитектуре, то есть очень простая и понятная вещь. Петербург — город неоклассический, дитя классицизма XVIII — начала XIX века. Весь Петербург построен на так называемой ордерной архитектуре.

Эти классические колоннады, пропорциональные закономерности и т. д. А ведь один из переводов слова «ордер» — это порядок. Классическая архитектура относится к наиболее глубоко иерархически упорядоченным визуальным системам. Классицизм — это идея стабильности и упорядоченности, причем в самом торжественном выражении, в архитектуре мало других языков, на которых это так ясно можно показать. А в Петербурге это еще совпадает с тем кодом, который вокруг. Поэтому нами был выбран классический язык, в котором я всегда работаю. Нас выбрали, наверное, в том числе и по совпадению этого языка с местом и задачей.

Каким будет здание суда внутри? Неоклассический «храм правосудия»?

Я думаю, что в известной степени да. Это неправильное современное изобретение, когда дом отдельно существует, а внутри его как-то по-иному декорируют. Знаете, в самом пошлом варианте — это когда в футуристическом здании аэропорта ресторанные выгородки в виде итальянского дворика, где пиццей пережаренной пахнет. Здесь так нельзя. Это должна быть целостная структура, то, что внутри, должно быть продолжением того, что снаружи, хотя бы в главных частях. Кабинеты, залы заседания — все будет связано с наружной архитектурой. Но это не означает, что если мы делаем колонны, то должны ездить в каретах и не пользоваться компьютерами. Надо использовать самые современные и самые лучшие технологии. Я здесь вообще не вижу никакого противоречия.

Мы знакомимся со зданием Верховного Суда в Москве. Сотрудники нам рассказывали, как это работает, что нравится, что не нравится, что удобно, что нет. Это позволило понять, как мы надеемся, в какую сторону надо двигаться. Нужно создать условия для того, чтобы людям было удобно работать, причем удобно не только в приземленном смысле слова, но и внутренне. Человек должен чувствовать себя определенным образом, осуществляя правосудие. Он должен быть настроен, в том числе и через пространство, архитектуру.

Так, например, любой церковный интерьер сделан. Это здание, настолько сильно нагруженное символикой и смыслами, что оно организует самоощущение человека внутри

своей структуры. Суд так же по идее должен быть устроен. Все-таки правосудие — одна из главных функций государства, судебная власть — одна из ветвей власти. Архитектура вообще довольно четко выражает эти интенции. Мне кажется, что в здании суда должна присутствовать идея порядка, правильности, структурированности и определенной мощи, этого не нужно бояться, ведь именно такое ощущение мы бы хотели получать от судебной власти в целом и от Верховного Суда.

А как с прозрачностью правосудия?

Прозрачность все-таки не надо сводить к стеклам. В Грузии были прозрачные полицейские участки. Но резкое снижение феноменальной грузинской полицейской коррупции произошло отнюдь не из-за прозрачных участков. Мне кажется, что чаще всего человеку хочется что-то стеклянное, футуристическое построить, потом он под это начинает подвигать обоснование, что здесь метафора прозрачности. Почему у суда должна быть именно прозрачность как метафорическая основа? Не знаю, мне это не близко.

Вы бывали в отечественных судах? Кажется, у большинства сограждан представление о судах сформировано по фильмам, причем в основном американским. Но в российской жизни все несколько по-другому...

Конечно, бывал. Это чаще всего невеселое зрелище. Низовые госучреждения в любой стране мало радости приносят. Люди же устроены так, что внешнее очень много определяет. Те же мантии у судей, это не просто так. Человек, который ее надел на себя, сам меняется внутренне в этот момент, и люди, которые на него смотрят, тоже понимают, что сейчас что-то серьезное происходит. Здание также должно работать, только еще сильнее. Если не сакральное, то ощущение того, что это пространство, в котором что-то важное происходит. Здесь архитектура должна и снаружи, и внутри играть очень большую роль.

В архитектуре один из самых главных выразительных инструментов — это масштаб. Комната, в которой человек может передвигаться, может быть высотой и 2.30 м как в

хрущевке, но если это торжественное помещение, то оно должно быть гораздо выше. Это позволяет людям по-другому себя чувствовать. Здесь необходим и определенный масштаб, и достаточно высокие потолки, и даже коридоры должны быть как-то осмысленно архитектурно сделаны. Люди ведь в основном именно их и видят.

Есть ли у судей специальные пожелания по организации пространства?

Разумеется. Сейчас мы пока в целом работаем. Определились, где будут залы заседания, что они рассчитаны на разное количество присутствующих, их довольно много. Все-таки я подчеркиваю, что пока мы на стадии концепции находимся. Когда будем документы для экспертизы готовить, конечно, там каждое помещение с его пользователями будем стараться достаточно внимательно смотреть. Все-равно будут какие-то ошибки, это огромная структура, там с одного раза, наверное, все идеально сделать нельзя, но, по крайней мере, задача более или менее понятна: нужно, чтобы людям было удобно.

В частности, несмотря на то, что это будет структура с высоким уровнем охраны, предусмотрены машино-места под зданием самого суда для посетителей, адвокатов. И конечно, несколько входов, как в любом большом здании.

Что было для вас самым главным при проектировании судебного квартала?

Самое важное было сделать так, чтобы этот квартал образовывал ненавязчивый фон для Стрелки Васильевского острова. Промышленные корпуса ГИПХа закрывали вид на Князь-Владимирский собор. Мы работали со специалистами по охране памятников, чтобы посмотреть, какие ограничения есть. Самое главное, на что мы потратили большие усилия, это то, как все будет выглядеть с Дворцовой набережной. Всю высокую часть здания мы отодвинули подальше, чтобы оно не было на переднем плане, а впереди корпуса судебного департамента. Внутри образуется площадь. Такое замковое построение позволяет обойтись без заборов, сами стены являются охраняемым периметром, чтобы не раздражать нас с вами как горожан.

Мы согласовали с городом устройство подземного перехода, для горожан открывается зеленая зона и два километра доступной для всех пешеходной набережной.

Для работы сделали специально съемку на закате, чтобы силуэты видны были, и врисовывали туда наши решения, чтобы показать, прежде всего себе, что мы ничего не закрываем. Вот собор виден, вот Биржа. Квартал не портит вида, низкая часть идет и потом повышается, чтобы ничего не закрывало. Хорошо, конечно, что решили вынести из квартала жилье — это позволило ввести много зелени. Вообще, для Петербурга характерно, когда в сторону Невы городские сады открываются: это и Летний сад, и на Фонтанке такие же есть.

Вы известны как знаток и ценитель античной архитектуры. Древние римляне подарили миру не только Колизей, но и римское право. Вы вначале проводили параллели про «ордер» и порядок. Это случайность, что любовь к классическому «ордеру» как-то связана, в том числе, с юридическим мышлением?

Я же все-таки профессиональной историей античной архитектуры занимаюсь, в основном римской. Почему архитектура оказала римлян такое колоссальное влияние на весь мир? Римляне были самые гениальные за всю историю человечества администраторы. А это без правового мышления невозможно. Все знают римский Колизей. Не так хорошо известно, что Колизей был полностью от фундамента и до отделки закончен за 4,5 года. Представьте себе

логистику, сколько сотен тысяч тонн камня нужно было привезти.

Какие управленческие навыки должны были быть для этого задействованы? Это одна сторона. Другая сторона — для Римской империи архитектура была одним из главных пропагандистских инструментов. Еще и поэтому они в нее так вкладывались. В нашем обществе ресурс архитектуры как языка, которым государство разговаривает с людьми, пока очень слабо развит.

Как вам кажется, когда наше государство перестало говорить этим языком и почему?

У нас государственное устройство менялось несколько раз даже на нашей с вами жизни. Каждое из них пыталось как-то, то лучше, то хуже. По-моему, сейчас государство в телевизоре себя больше выражает, чем в архитектуре, что тоже дань времени. По крайней мере, и Сталин, Хрущев очень ясно высказывались.

Сейчас этот процесс немного запустили. Из таких случаев, когда именно властные какие-то личности или структуры высказывались, пожалуй, постсоветский пример существует только на региональном уровне — это Юрий Михайлович Лужков и то, что он в Москве делал. Как бы к этому не относиться, но это была внятная позиция, которую он высказывал.

Сейчас идет период активного строительства зданий судов. Но нет ощущения, что есть единая линия.

Нет. Может, единая линия не так уж и нужна. С другой стороны, мне кажется, предсказуемость нужна. Суд — учреждение, которое в любом месте должно быть, и оно должно быть узнаваемо и просто по типологии. С точки зрения выразительности пока мы наблюдаем какие-то хаотические движения.

Здания судебной власти по самой своей функции обязаны иметь сильное символическое решение и художественную выразительность для того, чтобы как-то соответствовать статусу и важности тех действий, для которых они строятся. Они должны быть выразительными, они

не могут быть нейтральными, и они должны создавать совершенно определенную атмосферу. А какая атмосфера подходит суду, а какая нет — это вопрос дискуссионный. Мне кажется, что какое-то легкомыслие как минимум не очень уместно, особенно с учетом уголовных коллегий. *Dura lex sed lex*, если латынь вспоминать. Эта суровость так или иначе должна быть.

Если позволите, несколько вопросов об архитектуре. Три лучших, с вашей точки зрения, здания, построенных в Петербурге в XXI веке?

Я три лучших, как и три худших, назвать просто не сумею. Главное — не портить окружающее. Я все время привожу в пример дом на Невском 133, Герасимов его делал. Вот архитектура, которая не копирует ничего старинного, но не разрушает ничего вокруг себя. Но это исключение. Ведь с современной архитектурой какая главная проблема? Она так хочет быть выразительной на фоне всего остального. И даже если она при этом очень красивая, есть опасность, что этим контрастом она будет оказывать разрушительное действие на контекст. Лучше бы этого не было.

Три ваших любимых здания в Петербурге?

Их гораздо больше. Вот, пожалуй, Новая Голландия, я ее очень люблю. Тоже трудно три здания назвать. Новая Голландия пришла в голову.

Кстати, новое здание Мариинки вы не назвали.

Новое здание Мариинки — это очень большая неудача. Не надо было так делать. Самое маленькое, что сейчас нужно сделать, это мостик через Крюков канал снести. Тем более вы знаете, что он не работает? Мостик проектировали, чтобы можно было ходить из одного здания в другое, а инспекция по охране памятников не разрешила «дырявить» историческое здание, поэтому вся конструкция висит, не доходя несколько сантиметров до старой Мариинки. Это дурацкая декорация, которая полностью перекрыла знаменитейший вид на колокольню Никольского собора, и никакого смысла она в себе не несет. По-моему, сейчас,

если не ошибаюсь, Совет по сохранению культурного наследия хочет этот мостик убрать.

А старая Мариинка — это хорошо?

Уж какая есть. Мариинке не очень везло с самого начала, старая Мариинка из цирка перестроена. А новая... Представьте, ее бы взять и перенести, например, на Гражданку, цены бы ей там не было. Было бы прекрасное новое сооружение, люди бы ходили в театр и радовались. В архитектуре и в искусстве в целом есть очень сильно недооцениваемая, идущая как раз от римлян, категория уместности. Это здание в таком виде там неуместно.

Какой из ваших собственных проектов вам дороже всего?

Из реализованных проектов самый для меня дорогой — церковь, которую я по собственному проекту и на свои средства построил в родной деревне. Легко сказать, что это самое любимое. Понятно, что ничего более важного, чем комплекс Верховного Суда, наверное, не удастся никогда сделать. Дай бог, чтобы это хоть как-то получилось. Это колоссальная ответственность перед всеми, в том числе перед теми блокадниками за то, чтобы этот город оставить неиспорченным. Ведь есть же такой аспект еще, что сохранность исторического центра Петербурга — это единственный неоспоримый результат блокадных жертв. Об этом мало говорят. А так идешь — дом стоит. Понимаешь, что для того, чтобы он остался стоять, 100 человек умерло. Помните этот идиотский опрос на «Дожде», надо было бы сдавать город? Сдали бы — что бы изменилось? Погибло бы примерно столько же людей, только город бы изуродовали, взрывая, а потом еще больше, отвоевывая назад, и он был бы примерно как Калининград, который из Кенигсберга получился. Петербург — это целостный классический архитектурный ансамбль, купленный самой большой кровью в истории человечества. Поэтому работать здесь — огромная ответственность. Мало об этом думают, я боюсь. А надо.

Досье

В 1995 г. окончил архитектурный факультет Академии художеств в Санкт-Петербурге. В

1998–2000 гг. читал лекции и консультировал дипломные проекты в римском Университете Сапиенца и в римском отделении Университета Нотр-Дам. С 1995 г. Член Санкт-Петербургского отделения Союза архитекторов России. С 2000 по 2006 гг. преподавал основы архитектуры в Американской школе в Швейцарии (Лугано). С 2000 г. читает историю античной архитектуры и теорию ордера в Академии художеств.

С 2000 г. возглавляет персональную архитектурную мастерскую («Архитектурная мастерская М. Атаянца»). Среди наиболее значимых работ: участие в проектировании курортного поселка Fonte di Matilda в окрестностях Пармы в составе международного коллектива под руководством Пьеркарло Бонтемпи (2000), проектирование крупных жилых комплексов в Подмосковье («Город набережных», «Опалиха-2», «Пятницкие кварталы»), Медиадеревня и этнографический парк «Моя Россия» для Олимпиады в Сочи — 2014.

Графические работы, посвященные классической традиции в архитектуре, выставлялись в Российском павильоне на Венецианской биеннале (1996), в Риме («Священное пространство — традиционная церковная архитектура сегодня», 1999, 2000), Лугано («Классическая архитектура сегодня», 1999), в Москве («Римский мир», музей архитектуры им. Щусева 2007, «Только Италия», государственная Третьяковская галерея 2014).

Интервью взяли Сергей Сосновский и Маргарита Гаскарова

[Интервью опубликовано в Legal Insight. 2014. №5.](#)

ИНТЕРВЬЮ